

Стефани Данлер
Сладкая резьба

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д17

Stephanie Danler

SWEETBITTER

Copyright © 2016 Stephanie Mannat Danler
This edition is published by arrangement with Trident Media Group
LLC and the Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Анны Комаринец*

Художественное оформление *Марии Коняевой*

Данлер, Стефани.

Д17 Сладкая горечь / Стефани Данлер ; [пер. с англ.
А. А. Комаринец]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-097440-5

Аппетит обостряется во время еды? Тесс 22 года, она сбежала из маленького городка в Нью-Йорк и жаждет вкусить жизнь, испытать все. Она устраивается в люксовый ресторан, работает днями напролет, а вот ночами... она по-настоящему познает себя. Тесс втягивается в мрачно-привлекательный любовный треугольник. И кажется, это самый волнующий опыт в ее жизни. Не станет ли он самым болезненным? Ведь умерить голод бывает непросто.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-097440-5

© Комаринец А., перевод на русский язык, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Эрос вновь меня мучит истомчивый —
Горько-сладостный, необоримый змей¹.

Теперь обратим наш философский взор
на улады или муки, даруемые вкусом².

¹ Сафо, перевод В. В. Вересаева. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² «Физиология вкуса». Брийя-Саванер.

Лето

У I
тебя разовьется вкус.
Нет, не небо, и не язык, и даже не вкусовые рецепторы. Особое место на языке, которое запоминает и которое дает вкусовым ощущениям слова. Прием пищи превращается в науку, одержимую словами. Ты больше никогда не будешь просто есть.

«Овсянки», «бэки», «фицы» — как только не называют официантов. Трудно сказать, что, собственно, подразумевает эта профессия. Она ведь лишена амбиций в привычном понимании. Приносишь, уносишь... Нет ни карьерных взлетов, ни падений. Конечно, это работа, как любая другая, а еще своего рода прибежище или переходный период. Приносишь, уносишь... ждешь... ждешь, когда начнется настоящая жизнь.

Быстрый, легкий заработок — с течением вечера растут и исчезают скользкие купюры. Для тех, у кого есть конкретные цели, кто точно понимает, чего хочет, такая работа может стать трамплином. Большую часть этих истин я без труда усвоила, когда в возрасте двадцати двух лет меня наняли в ресторан.

Там многое привлекало: деньги, ощущение защищенности, вроде как стабильность, возможность переждать невзгоды. Не понимала я того, что очутилась словно за проволочным забором: мир вовне перестал существовать, а мир внутри... Память сохраняет лишь

дробящуюся на мгновения лихорадочную спешку и безумие. Девяносто процентов работавших в ресторанном бизнесе даже не укажут опыт в резюме. Мы можем упомянуть о подобном вскользь, напирая на такие качества, как трудовая дисциплина и стойкость — эдакий наградной знак бедствия, как у жертв землетрясения или отслуживших в армии. Вот, пожалуйста, и все.

Как и другие, в Большое Яблоко я приехала на машине. Набитой дорогим для меня (так казалось) хламом, который я вскоре вышвырнула в помойку: DVD-диски, которые скоро утратили свой смысл, коробку с цифровыми и пленочными фотоаппаратами для все еще скрытого таланта, роман Керуака «В дороге», который я так и не дочитала, и современный шведский торшер из «Колмарта». Я проделала долгий путь из местечка такого маленького, что его не найти даже на подробной карте.

Кто-нибудь вообще приезжает в Нью-Йорк налегке? Боюсь, нет. Но, пересекая Гудзон, я думала, что пересекаю Лету, млечную реку забвения. Я забыла, что у меня была мать, которая сбежала прежде, чем я открыла глаза, и отец, который невидимкой скользил по комнатам нашего дома. Я забыла о чередности людей в моей жизни, такой же реденькой, как проволочная сетка, и равно не способной уловить того, что я хотела им сказать. Я забыла, как ехала по проселкам среди иссохших полей под давящим оком звезд и ничегошеньки не чувствовала.

Да, я хотела сбежать. Но от чего? От столпов футбола и церкви? От низеньких, линиялых домов, что стоят внутри квартала, где нет детей? От утра, проводимого за «Газетт» и покупными пончиками? От тихой, сентиментальной серости? Это не имело значения. Я никогда этого не узнаю, ведь моя жизнь, как и

жизнь большинства, тянулась незаметно, но безостановочно.

Давайте считать, что я родилась в конце июня 2006 года, когда в семь утра пересекала мост Джорджа Вашингтона под лениво встающим, прихорашивающимся солнцем, когда небо полно ярких отсветов, когда его еще не спрятали выхлопы, не расчертила жара, родилась в машине с опущенными окнами, где радио ревели о невероятных надеждах, родилась открытой, открытой, открытой...

Тем оппортунистичным утром глаза у меня были налиты кровью, волосы — сальными, а шея ныла от попыток поспать пару часов на обочине. Но главным оставалось покалывание — точно докрасна раскаленной иглой — в груди, которое не давало снять ногу с педали газа и заглянуть в зеркальце заднего вида.

Кислое. Лимонный сок, от которого сводит скулы, тонкокожие лаймы, свернувшийся кефир, йогурты и разные уксусы. Литровые контейнеры лимонов у рабочих станций поваров. Когда Шеф орал: «Тут нужна кислинка!», они кромсали лимоны. После в воздухе витал едкий запах, признак пищи, наполненной жизнью.

Про необходимость оплачивать проезд по трассе я не знала.

— Я не знала. Может, пропустите на первый раз? — сказала я тетеньке в будке.

Тетка в будке осталась непреклонна, как обелиск. Мужик в машине позади меня начал давить на гудок, потом — следующий за ним, пока мне не захотелось спрятаться под рулевое колесо. Тетка махнула, мол, мне надо съехать на обочину, где я дала задний ход, развернулась и оказалась лицом в ту сторону, откуда только что приехала.

Съезд привел меня в лабиринт промзоны, и каждый следующий поворот все больше сбивал с толку. Меня обуял иррациональный страх, что я не сумею найти банкомат и придется возвращаться. Я свернула на стоянку у «Данкин Донатс», сняла двадцать долларов и посмотрела остаток на счету: 146 долларов. Сходила в туалет и умылась. «Почти на месте», — сказала я своему засиженному мухами и измученному отражению в зеркале.

— Можно мне большой ореховый рафф со льдом? — попросила я у официанта.

Отдышливый толстяк за стойкой обслуживил меня взглядом.

— Так вы вернулись? — Он отдал мне сдачу.

— Простите?

— Вы были тут вчера. Заказали такой же кофе.

— Нет. Я. Ничего. Не. Заказывала, — ответила я отдельно и для надежности помотала головой. Вообразила себе, как выхожу из машины вчера, завтра, каждый день моей новой жизни, заехав на стоянку при «Данкин Донатс» в долбаном Нью-Джерси и заказываю этот самый кофе. От одной мысли мне стало тошно.

— Я не заказывала, — повторила я, снова помотав головой.

— Вот, пожалуйста, — сказала я тетке в будке, победно опуская окно.

А она, задрав бровь, заложила большие пальцы за форменный ремень. Я протянула ей деньги, точно это сущий пустяк.

— Можно мне теперь проехать?

Соленое. Рот наполняется слюной. Масло из Бретани, плавящееся от прикосновения. Кристаллы розовой соли из Гималаев, матовые серые катышки — из Японии. Бесконечный поток кошерной соли, льющейся

из руки Шефа. Подсаливание — целое море нюансов, блюдам всегда требуется еще. Мало соли, и пища кажется пресной, много — она погибла.

Друг одного друга одного друга по имени Джессе. Свободная комната за 700 долларов в месяц. Район под названием Уильямсбург в Бруклине. Город словно тисками душила жара, дневные газеты пестрели новостями о людях, мрущих в Квинсе и на внешних окраинах, где отрубалось электричество. Копы раздавали пакеты со льдом — плавящееся, утекающее сквозь пальцы утешение.

Улицы были просторны и пустынно, и я припарковалась на Реблинг, сразу после съезда с моста. Солнце стояло в зените, в тень спрятаться негде, и все будто закрыто. Я шла на Бедфорд-авеню в поисках признаков жизни и, увидев кофейню, подумала, не спросить ли, вдруг им нужен бариста. Но когда я заглянула в окно-аквариум, ребята внутри, скорчившиеся над ноутбуками, с поджатыми губами, пирсингом, такие худые, показались настолько взрослее меня. Я-то обещала себе, что найду работу быстро и без раздумий — официанткой, бариста, — да какую угодно, лишь бы зацепиться. Но когда я приказала себе открыть дверь, моя рука заупрямилась.

Небо со стороны набережной расчертили скелеты небоскребов, встающих из подлеска невысоких строений. В жарком мареве они походили на ошибки в рисунке, затертые ластиком. Над заросшим сорняком заброшенным участком поскрипывала ржавая вывеска заправки «Мобайл». Повсюду свидетельства упадка.

Мой новый сосед оставил ключи в баре рядом с квартирой. Днем по будням он работал в офисе поближе к центру и не мог меня встретить.

Бар «У Клема» оказался темной забегаловкой на выбеленном светом углу, и кондиционер в ней громы-

хал, как дизельный мотор. Едва я вошла, он обрызгал меня, и несколько секунд я могла только моргать в потоках тепловатого воздуха.

Бармен сидел, привалившись к заднему столику и закинув ноги на самую стойку. На нем была усыпанная заплатками и заклепками джинсовая жилетка на голое тело. Перед ним сидели две женщины в желтых набивных платьях, крутили соломинки в высоких бокалах. Ни один из троих не удостоил меня ни словом.

— Ключи, ключи, ключи, — забормотал в ответ на мою просьбу бармен.

Мало того, что исходившая от него вонь ударила мне в нос уже с расстояния в пару шагов, так бармен еще и был покрыт потрясающими — демоническими — татуировками. Кожа у него на ребрах казалась приклеенной. Висячие усы напоминали хвостики школьниц. Вытащив кассу, он швырнул ее на стойку и стал рыться в ящичке под ней. На свет появились стопки кредитных карт, иностранная мелочь, конверты, квитанции. Банкноты трепетали в зажимах.

— Ты девчонка Джессе?

— Ха, — откликнулась одна женщина у стойки. Прижав бокал ко лбу, она катала его взад-вперед. — Вот умора!

— Это на углу Реблинг и Второй, — подсказала я.

— Я тебе что, агент по недвижимости? — Он швырнул мне пригоршню ключей с цветными пластмассовыми бирками.

— Эй, не пугай ее, — встряла вторая.

Они не слишком походили на сестер, но обе были мясистые, груди и плечи у них поднимались из топов на бретельках, как фигуры на носу корабля. Одна была блондинка, другая — брюнетка, а когда я присмотрелась, то поняла, что платья у них определенно одинаковые. Они вполголоса перебрасывались только им двоим понятными шуточками.

И как я собираюсь тут выжить? Кому-то придется измениться — либо им, либо мне. Я нашла ключи с биркой «Реблинг 220». Бармен нырнул под прилавок.

— Большое спасибо, сэр, — сказала я в пустоту.

— О, не за что, мэ. — Он снова вынырнул и теперь строил мне глазки.

Открыв банку пива, он пальцем приподнял усы и провел по ним языком, все это время не сводя с меня глаз.

— О'кей. — Я попятилась. — Ну, может, я еще зайду... Ну... вроде как... выпить.

— Жду с распростертыми объятиями, — сказал он, поворачиваясь ко мне спиной. Но вонь с собой не забрал.

Уже выходя на палящий зной, я услышала, как одна женщина говорит другой:

— Ох ты боже мой! — А потом бармену: — Гребанный район уже не тот.

Сладкое. Гранулированный, истолченный, коричневый, тягучий, как мед или патока, — сахар. Обволакивающий небо молочный сахар — лактоза. Когда-то, когда мы были дикими варварами, сахар нас пьянил, — первый наркотик, которого мы жаждали и по которому томилась. Мы его приручили, рафинировали, но сок из персика еще хлещет, поднимаясь, как вода из забитой ливневки.

Не помню, почему я вообще пошла именно в тот ресторан.

Зато прекрасно помню — в малейших деталях — отрезок 16-й, ничем не примечательный, ничего не раскрывающий: безликая серая синева «Кофейни», батальон мусорных баков между нами и «Блю Уотер Гриль», за ним — бodega с двумя карточными столами, где позволяют пить пиво. Туда официанты и даже старшие смены, не снимая униформы, ходили заку-

паться энергетиками в банках и мятными леденцами. Проулок, в котором повара подпирали стены, пока перекуривали между сменами. Укромные углы, где они курили траву и пинали крыс, роющихся в мусоре. И углом глаза ловишь призрак чахлого сквера на площади.

Куда смотрел владелец, когда открывал ресторан? В будущее.

Когда я пришла, мне рассказали уйму историй. В восьмидесятых никто на Юнион-сквер не ходил, сказали мне. В то время тут только пара издательств обосновались. На смену тому городу пришел другой. «Хоул Фудз», «Барнс энд Ноубл», «Бест Бай» наслонились друг на друга. В Риме, когда прокладывают метро, находят целые культурные слои — с ремесленниками, политиками, портными, парикмахерами и барменами. Если начнете копать прямо тут, на 16-й, найдете нас, только помоложе, и затхлые забегаловки — те же, и старых бомжей в сквере — вероятно, тоже.

Что видели те первые официанты, когда пришли наниматься в восемьдесят пятом? Таверну, гриль, бистро? Мешанину из Италии, Франции и какой-то там нарождающейся американской кухни, в которую тогда никто не верил? Микс ингредиентов, который ну никак не мог слиться в одно целое? Когда я спросила старичков, что они видели, то услышала в ответ, мол, владелец создал ресторан такой, каких раньше не бывало. Они говорили, когда вошли, сразу почувствовали себя как дома.

Горький — всегда чуточку неожиданный. Кофе, шоколад, розмарин, лимонная цедра, вино. Когда-то, когда мы были варварами, горечь предостерегала об отраве. Вкусовые рецепторы все еще сопротивляются при встрече с ней. Мы их убеждаем: «Приспособляйтесь», а еще «Наслаждайтесь».

Я слишком много улыбалась. Под конец собеседования уголки рта у меня скрипели, как кольшки у палатки. На мне было черное платье на бретельках и кардиган из вареной шерсти — самое консервативное и взрослое, что имелось в моем гардеробе. В сумочке у меня лежали свернутые в трубочку с десяток копий резюме, а еще у меня имелся смутный план (если так можно назвать некий нерешительный инстинкт, которому я обреченно заставляла себя следовать) — заходить в рестораны, пока меня не наймут. Когда я спросила у соседа Джессе, где мне искать работу, он сказал, что лучшие рестораны Нью-Йорк-Сити на Юнион-сквер. Уже через минуту после того, как я сошла с поезда, на кардигане проступили огромные сырые пятна пота, но верхняя часть платья была слишком открытой, чтобы его снимать.

— Почему вы выбрали Нью-Йорк? — спросил старший администратор по имени Говард.

— Я думала, вы спросите, почему я выбрала этот ресторан.

— Давайте начнем с Нью-Йорка.

По книгам, фильмам и сериалу «Секс в большом городе» я знала, как полагается отвечать. Там все говорят, мол, мечтали тут жить. Они подчеркивают слово «мечтали», растягивают его, надеясь, что это придаст ему искренности.

А еще я знала, что многие заявляют, мол, я приехала, чтобы стать певицей/танцовщицей/актрисой/фотографом/художницей/работать в сфере финансов/моды/книгоиздания, я приехала сюда, чтобы обрести власть/красоту/богатство/славу. И это всегда как будто означает: приехала, чтобы стать кем-то другим.

— Тут и выбора-то никакого нет, — ответила я. — Куда еще можно поехать?

— Ага, — протянул он и кивнул. — Эдакий зов, а?